№ 23-25 (25-27)
Декабрь 2007 г.

Глуская ПАНОРАМА

Общественно-политическая газета

ЧЕРНЫЙ ШАБАТ

Его звали Хема - не очень распространенное даже в еврейской среде имя.

На душе у Брума было гадко, предчувствие какой-то беды. Казалось бы, летнее солнышко согревает огород, даря надежду на приличный урожай. Но это не радует. Грозовые раскаты стали намного слышней, чем всю последнюю неделю. Вырвав сорняк, он отбросил его в кучу и разогнулся. « Э-хе-хе» - выдохнул он, и посмотрел на жену, которая вытирала платком крупные капли трудового пота. Их взгляды встретились, он не смог сдержаться, и отвел глаза в сторону. Подошел вплотную, легонько обнял. Яркий луч солнца отразился от слезинки, предательски поползшей по щеке его дорогой Рахили. Рука, пытающаяся успокоить ее, ощутила частые подрагивания, жена еще раз всхлипнула, утерла глаза и нос, резко отвернулась и поспешила в дом. Машинально поправив занавеску у окна, и, одернув скатерть, присела на неокрашенный табурет, и бессильно уронила руки. На стене висел отрывной календарь, привезенный мужем еще зимой из Могилева. Четверг, двадцать седьмое июня. Самое время подумать, чем кормить семью в ближайшие 3 дня. Ведь уже завтра Шабат, работать уже нельзя, даже готовить пищу. Это как раз те традиции, которые наш многострадальный и неприкаянный народ смог пронести через многие века. Две тысячи лет скитаний. Что еще нам предстоит? Почему нас отовсюду гонят? Наверное, из-за своей непохожести и самодостаточности. Мир таков, каким его сотворил Создатель. И мы, им избранный народ должны соблюдать те заповеди, которые он нам оставил. Нам завидуют. Нас ненавидят только потому, что надо на кого-то списывать свои неудачи и никчемность.

Во двор ворвались мальчишки, игравшие на улице около их калитки.

Дядя Хема, немцы! - от этих слов у него похолодело в груди и заныло под лопаткой. Он опустился на лавочку, стоявшую под окошком во дворе, подозвал сына и дочь, провел пальцем по щеке каждого из них, наслаждаясь детской мягкостью чумазых щек детей. Их городок Глуск располагался в белорусском Полесье Могилевской области и на семьдесят процентов состоял из евреев, которые не теряли надежд на лучшую жизнь. Похоже, что в этих людях была уже генетически заложена способность к выживанию во враждебной среде, ведь веками земля, на которой они жили, переходила от одной страны к другой - Россия, шведы, поляки... Чего они еще не испробовали? Многие в их местечке говорили на языке ашкеназских (европейских) евреев - идиш, который принято считать баварским диалектом немецкого языка. Мальчишки рассказали, что на соседней улице приехавшие немцы забавы ради полоснули автоматной очередью по кустам, в которых прятались ребятишки. Под раздачу попал Наум, двенадцатилетний сын Лазаря-булочника. В воздухе витал запах гари, где-то на окраине орали испуганные женщины. Пришла Беда. В тот же день был установлен новый порядок - всем евреям носить желтые шестиконечные звезды. По всему городку начались издевательства и расстрелы. Вот уже наступил ноябрь, закончились дожди, по ночам уже бывали заморозки. К вечеру Хема сказал: Пора! И жена начала собирать детей. Каждый взял по небольшому узелку, и они вышли из дома. Они уходили. В неизвестность.

Через полтора часа семья вошла в лес, и, если бы это происходило днем, то можно было подумать, что они идут за грибами. По одному ему известным приметам они дошли до поваленного дерева, под корнями которого была вырыта землянка. Рахиль извинилась перед мужем за тяжкие подозрения, которыми она мучилась последний месяц, замечая, что он стал приходить домой очень поздно. В землянке пахло прелой осенней листвой, грибами и хвоей, выложенной на земле. Каждый из них прижал к себе ребенка, пытаясь своим телом со-

греть его. Вернувшись домой рано утром, Хема узнал, что второго декабря приехавшая зондеркоманда, при помощи местных полицаев, собрала всех евреев на центральной площади, погрузила в машины и расстреляла в карьере на Мыслотяской горе, рядом с местечком. Спасти удалось немногим. Этот сценарий был отработан на многих и многих местечках. За сорок первый и сорок второй год было уничтожено больше двухсот таких же гетто на оккупированной территории. Так они решали в Белоруссии «еврейский вопрос» - город за городом, местечко за местечком, - более восьмиста тысяч человеческих душ. Уму непостижимо!

Именно в ту ночь в лесу, обняв четырехлетнего сына, он обратился к Создателю за помощью и пообещал ему, что всю жизнь будет верующим, если его семья уцелеет.

Зиму они пережили. Пускай кто-нибудь в мирное время попробует просто переночевать в землянке в глухом лесу зимой. Зима тогда, в сорок первом, была очень суровой. Потом было освобождение, семья осталась дома в полном составе, а Хема, влившись в ряды Красной армии, дошел до Берлина. Город оставался полупустым, но страшно было не только в лесу, но и в городе, где он работал стекольщиком, чтобы заработать на пропитание семье, и ежедневно могла закончиться не только его жизнь, но и его детей - есть то нечего.

Спустя сорок лет я был у них в Глуске. Находиться рядом с ним и не смеяться было невозможно. Комичный образ всеобщего любимца и балагура остался на всю жизнь. Через пару лет, приехав к ним на недельку, мы нашли дядю Хему в больнице со сломанной ногой. В свои восемьдесят с лишним лет он умудрился неудачно упасть с велосипеда.

Чтоб Вам всем хватило здоровья после восьмидесяти лет иметь возможность и желание кататься на велосипеде!

Казалось бы, сколько еще горя нужно хлебнуть этой семье?

В семидесятых годах ему прислал письмо брат, живший в сытой и спокойной Америке.

В очередном письме брату дядя Хема рассказал, что у них все нормально, дети и внуки живут хорошо, каждый вечер они ходят к соседям смотреть телевизор. Через пару месяцев ему доставили новый телевизор - от брата.

Они так и продолжали жить в Глуске на своей Социалистической улице. Дети давно выросли, обзавелись своими семьями, сын стал врачом, появились внуки, но...

Наступил восемьдесят шестой год и Чернобыльская трагедия. Глуску опять не повезло - невидимый убийца, радиация стала собирать свой скорбный урожай. Надо опять бежать, но куда? Лес уже не спасет - надо менять место жительства. И было принято решение, как неоднократно принимали решение эти люди во имя детей и внуков. Надо ехать на землю предков. Решение далось непросто... Надо было видеть лица этих стариков, умудренных опытом жизни хлебнувших полную чашу горя, когда дядя Хема перебирал в коробочке свои ордена и медали, а на дне лежала выданная немцами еще в Глуске желтая шестиконечная Звезда Дави-

да. Он воспринимал ее не только как скорбную память, но и как орден от Создателя за спасение семьи, а может быть и как напоминание о дальнейшем пути... Когда его спрашивали о слишком жарком климате Израиля, он передергивал плечами и говорил: «Лучше уж жара, чем...». Пусть земля им будет пухом. Вечная им память.

Год назад мне подарили талисман в виде шестиконечной звезды. Теперь я иногда, зажимаю его в руке, и мысленно обращаясь к Создателю, прошу его помочь мне преодолеть тяжелую болезнь во имя тех, кого он не смог уберечь в прошлые годы. Я на это надеюсь. Помогает.

Владимир Рудицер
«Самиздат». 2006 г.
http://zhurnal.lib.ru/r/rudicer_w_m/shabat.shtml

На снимках:
1. Это они - на рубеже второго тысячелетия.
2. Рахиль - в глазах - все...

ВСЕГДА БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

1.

На снимке 1933 года жители Глуска – одна из семей, расстрелянных на Мыслочанской горе.

2 декабря 1941 года здесь было расстреляно почти 2000 человек.

Их вина? Они были евреи.

Я вглядываюсь в лица: даже в детских глазах ясно проступает не только боль двухтысячелетнего изгнания, но и приближающаяся обреченность не дожитых на земле жизней.

Это семья Грайфер. Отец Янкель Гиршевич 1871 года рождения, мать Хася Соломоновна – 1871, их дети: Соломон – 1896, Калман – 1901, Нехама – 1908, Ентул – 1910, невестки Сара и Рахиль, их внуки: старшему – 9, младшему – всего год.

Я не знаю и уже никогда не узнаю этих людей, хотя мы родились в одном городе и нас связывали родственные связи: Янкель Гиршевич – родной брат моей бабушки Рахиль. И не случись войны – я бы ходил с ними по одним улицам, общался, дружил. И как бы ни сложились наши судьбы, возвращаясь в родные места, мы бы узнавали друг друга, общались, устраивали гостеприимные посиделки, делились в откровенных разговорах мыслями и планами, и наши правнуки создавали бы новые семьи. И продолжалась бы жизнь, вбирая в себя все лучшее, что несет каждый человек из рода своего. Но случилось так, что из рода Грайферов, а это около пятидесяти человек, в живых осталось не более десяти.

И теперь, когда я навещаю край моих предков, не встречаю никого из них.

Стоят новые дома, цветут сады, живут люди – и ни с кем не поговоришь, не найдешь ни одного дома, в который можно войти, не спросив разрешения, усесться за гостеприимный стол и отвести душу в воспоминаниях. Я – чужой в родном городе.

К началу войны в семействе Янкеля Грайфера было около тридцати человек. На чудом уцелевшей фотографии, найденной в Париже, запечатлены эти люди. Только двое из них умерли своей смертью: Нехама и самый маленький Миша, которому было всего девять лет. Жизнь остальных оборвала война.

Глуск бомбили уже на второй день войны, а 27 июня немецкие танки ворвались на его улицы, расстреливая на своем пути людей и поджигая дома. В местечке, в котором евреи жили несколько веков по обычаям своих предков и законам российской империи, оккупанты принялись наводить “новый порядок”.

В течение месяца всех евреев изгнали из своих домов и заставили переселиться в гетто, под которое отвели самый бедный район местечка. В гетто врывались немецкие солдаты и полицаи, насиловали, грабили, уводили узни-

ков на самые трудные и черные работы – и большинство уже не возвращались: их расстреливали на Мыслочанской горе, и трупы заливали слой за слоем смолой.

Оставшихся в живых из семьи Грайфер приютила белорусская крестьянка – десять человек жили в одном чулане. Первое время Грайферы ходили по ближайшим деревням: им давали в обмен на вещи хлеб и картошку. Но вскоре оккупационными властями был вывешен приказ: за оказание помощи еврею – расстрел.

Началась эпидемия тифа. Люди стали умирать от голода, болезней и холода.

Из рассказа очевидца, жителя Глуска Семенова Юрия Александровича, которому было тогда 10 лет. “Часто немцы и полицаи врывались в гетто, отлавливали способных еще двигаться людей и уводили на работы: чистить дороги, уборные, помойные ямы, заготавливать дрова, хоронить убитых. Оставшихся в живых загоняли в барак, который располагался недалеко от нашего дома. На пустыре перед ним стояла виселица. Окно нашей кухни выходило на этот пустырь. Часто по вечерам я видел, как возвращался оттуда полицай-надсмотрщик с полным мешком за плечами – и по его толщине я догадывался, сколько убили в этот день людей: в мешке он уносил одежду жертв и потом раздавал своим родственникам”.

2 декабря 1941 года в сорокаградусный мороз было приказано всем оставшимся в живых евреям собраться в 8 часов утра с вещами на площади, якобы для отправки их в Бобруйск. Многие понимали, что это обман и их ждет смерть. Те, кто был посильнее, пытались спрятаться, убежать. Полицаи и фашисты методично, дом за домом, сарай за сараем, прочесывали все строения на территории гетто и вылавливали людей. Потом их гнали на площадь и уводили к Мыслочанской горе на расстрел. Больных и старых пристреливали на месте, мертвых складывали на телеги и увозили уже в переполненный трупами ров.

Когда карательный отряд ворвался в дом, Калман успел вместе с сыном Мишей выскочить через окно, и они побежали огородами. Улицы были запружены людьми, раздавались выстрелы и душераздирающие крики. Путь к лесу был перекрыт. Отец и сын спрятались в ближайшем сарае. Там уже прятался, дрожа от страха, одиннадцатилетний сын портного Гриша Кацнельсон. Калман помог забраться обоим мальчикам на чердак, потом замаскировал их, засыпав соломенной трухой. В это время ворвались полицаи, и, чтобы отвлечь их от детей, Калман вышел навстречу. Полицаи схватили его и увели. Мальчики сквозь щель в крыше видели, как полицаи расстреляли Калмана и бросили еще теплый труп на подъехавшую телегу.

Когда стемнело, Гриша и Миша вышли из сарая и побежали в лес.

Два месяца в лютые морозы они жили в лесу, питаясь раскопанными из-под снега ягодами, грибами, листьями и корой деревьев. Когда голод становился сильнее страха смерти, крадучись, пробирались в ближайшую деревню Татарку. Жители давали им еду, кто что мог, но оставлять у себя на ночь не решались: за укрывательство еврея расстреливали всю семью.

Уже после войны Миша узнал, что одну из его сестер, семнадцатилетнюю Хаю, через три дня после Глусского погрома, выследил полицай. Посадил на подводу, привез сначала в участок, потом к братской могиле и расстрелял.

Никакое самое богатое воображение не способно представить эту картину: суровая зима, крещенские морозы, заваленный снегом лес, и два мальчугана, девяти и одиннадцати лет, днем и ночью ведут борьбу за выживание…

В марте 1942 года их, замерзающих и умирающих от голода, нашли партизаны и забрали с собой. Миша и Гриша попали в партизанский отряд, которым командовал Смирнов Николай Николаевич. Мальчишек выходили, и они стали юными партизанами. Юркий, смышленый Миша Грайфер служил посыльным при командире, помогал в хозяйственных работах и ухаживал за ранеными бойцами. Он также охотно и умело смотрел за лошадьми: они понимали его с полуслова.

Когда мальчики окрепли, они стали ходить в разведку. Одевшись в крестьянскую одежду, странствовали по деревням и высматривали, где находятся гарнизоны, где стоит техника. У Миши была прекрасная память: он подробно рассказывал командиру, где спрятаны орудия, сколько их, описывал расположение улиц и подходы к ним со стороны леса. Однажды мальчики, как обычно, шли по деревне, высматривая и запоминая все, что необходимо сообщить в отряд. За ними увязалась приблудная собака. Вдруг, когда они подошли к околице, их задержал полицай, привел во двор своего дома, вытащил топор из колоды и, протягивая его Грише, сказал: “Если хочешь жить,

отруби голову этому жиденку". Всучил топор и, схватив Мишу, начал пригибать его голову на колоду. Собака вдруг неистово зарычала и бросилась на полицая, а Гриша, взмахнув топором, раскроил ему череп. Мальчишки, прихватив ружье и топор, убежали в лес.

Партизаны сделали из ружья обрез под рост Миши – и теперь он был уже при оружии. Винтовок в то время в отряде не хватало – каждый обязан был добыть оружие для себя в бою.

Постепенно партизанский лагерь разрастался: приходили к ним жители из деревень, были среди них и бывшие полицаи, которые клялись смыть с себя позорное пятно кровью. Вскоре отряд стал бригадой № 64 имени Чкалова Минского соединения. Наладилась связь с Большой землей, и на самолетах доставляли им оружие, лекарства, пищу, увозили тяжело раненных. Партизаны взрывали железные дороги с военными составами и мосты, уничтожали вражеские гарнизоны, поджигали склады с горючим.

Зимой 1943 года фашисты, неся чувствительные потери от партизанских отрядов, усилили борьбу с ними: были стянуты дополнительные войска, танки и даже авиация. Чтобы выйти из окружения, партизанские отряды рассредоточились по группам и с боями начали пробиваться сквозь кольцо блокады. Мише поручили охранять телегу с солью, которая была дефицитным продуктом. Соль входила только в рацион раненых бойцов.

Когда их группа пробивалась с боем к ручью, за которым находился спасительный путь в соседний лес, по ним открыли огонь из танков. Лошадь рванула и понеслась, телега застряла на мосту через ручей между двумя бревнами. Миша отогнал лошадь, освободив проход к спасению. Партизаны, отстреливаясь, побежали.

Миша спрыгнул в ручей и затаился под мостом. Немцы прочесывали местность, добивая раненых. Когда бой кончился и стало тихо, Миша осторожно выбрался из укрытия. И опять началось его одинокое и голодное скитание по зимнему лесу. Через месяц у него стали отниматься руки и ноги. Случайно его нашли крестьяне, подобрали и выходили. Когда Миша окреп, ему помогли найти остатки партизанского отряда.

В 1944 году Советская армия вела бои за освобождение Белоруссии.

В эти дни Мишу отправляют через линию фронта в Ново-Белицу близ Гомеля, в детский дом. Мальчишке следовало учиться. Но Грайфер настаивает, чтобы его отпустили на фронт.

Он становится воспитанником-музыкантом 18-го полка 120-й стрелковой дивизии 3-й армии Белорусского фронта. Юный солдат участвует в боях за освобождение родной земли.

Во время одного из боев на реке Березине начался артобстрел их полка. Произошла история, похожая на ту, которая уже однажды приключилась с Мишей в партизанском отряде. Испуганную лошадь понесло, и подвода перекрыла дорогу к мосту, преградив путь бойцам. Миша бросился к лошади, успокоил и отогнал подводу, освободив проход. Генерал Рокоссовский, узнав о подвиге юного бойца, объявил ему благодарность и представил к правительственной награде. Но она так и не нашла героя: наградной лист был потерян.

А юный солдат следовал дальше вместе со своим полком: участвовал в освобождении Бобруйска и Витебска, в уничтожении врагов в котле восточнее Минска, где была разгромлена стотысячная группировка гитлеровцев, в боях за освобождение Польши, Пруссии. Первого мая 1945 года их армия была в пригородах Берлина, где встретилась с войсками союзников.

А 9 мая Миша Грайфер встречал победу в Берлине. Было ему всего 13 лет.

2.

Когда Миша в 1946 году вернулся в родной Глуск, из всей многочисленной родни нашел лишь тетю Нехаму Грайфер. Она, чудом спасшаяся во время глусского погрома, вместе с тремя детьми сумела перейти линию фронта и добраться до деревни Грязнуха Сталинградской области. Одна дочь умерла на дороге беженцев, муж погиб на фронте. В деревне Грязнуха Нехама удочерила сироту Эстер.

В голодные и трудные первые послевоенные годы на руках вдовы было трое детей, и она усыновляет своего племянника Мишу.

В 14 лет все образование Миши состояло из одного класса еврейской школы и одного класса – русской. Но, чтобы не отстать от своих сверстников, он идет сразу в 6-й класс. Учится усердно, пытаясь наверстать отнятое войной.

Через два года поступает в Бобруйский автотранспортный техникум и оканчивает его с отличием в 1952 году. Активно занимается спортом: классической борьбой и штангой, становится чемпионом Бобруйска по тяжелой атлетике, участвует во всесоюзных соревнованиях. Миша рвется быстрее начать работать, чтобы помочь тете Нехаме поставить на ноги остальных детей. Но она настаивает, чтобы племянник поступал в институт.

Для тех, кто окончил техникум с отличием, действовали большие льготы, вплоть до поступления в высшее учебное заведение без экзаменов. Миша подает документы в Минский политехнический институт. Его, отличника, участника войны, юного партизана и сына полка, дошедшего с боями до Берлина, награжденного орденами и медалями, хорошего спортсмена, почему-то не принимают на учебу. Он делает еще одну попытку: уезжает в Ленинг-

рад, где жила его дальняя родственница, и снова подает документы в политехнический институт – опять не принимают.

Давайте вспомним эти годы. Развернутая Сталиным антисемитская кампания: время космополитов и “дело врачей”…

Проходят три недели сентября, уже начались занятия в вузах. Перед самым возвращением домой Миша заходит в инженерно-строительный институт – и ему неожиданно предлагают подать документы на факультет строительства дорог и мостов. В тот год на факультете был большой недобор студентов, и приемная комиссия решила не “обратить внимания” на национальность абитуриента. Через два с половиной года Михаил Грайфер оканчивает институт с отличием.

…Миша в расцвете духовных и физических сил, весельчак и душа компании. Любит шутки и розыгрыши. Однажды посередине улицы он подхватил на руки четырех девушек и понес их. В другой раз, дождавшись, когда хозяин легковой машины “Победа” вместе со своей женой сел в салон и завел мотор, он подошел сзади и поднял машину. Хозяин “Победы” включал и выключал зажигание, и все не мог понять, почему машина не трогается с места.

В институте Миша встречает свою любовь на всю жизнь: женится на Вере Файнберг – учительнице истории, волейболистке и певице.

В 1955 году его распределяют на работу в грузинский город Рустави. Он строит новые улицы, промышленные корпуса, железнодорожные полотна. От простого мастера быстро вырастает до директора строительного треста. И только теперь его, бывшего юного бойца с фашизмом, нашли заслуженные награды родины: орден “Отечественной войны 2-й степени”, медали “За участие в Великой Отечественной войне”, “За взятие Кенигсберга”, “За взятие Берлина” и другие.

…Родились, выросли и получили высшее образование дочери Валентина и Рахиль, появились внуки: Лена, Эля, Тимур. Все хорошо было в дружной семье Грайферов. Известный строитель, заботливый отец, любящий муж, душа компании.

Он не забывает свою тетушку Нехаму, помогает ей материально, часто навещает, приезжает всегда с дорогими подарками.

23 ноября 1984 года от сердечного приступа внезапно умирает на работе ее сын Семен Хархурин, известный общественный деятель в Глуске, председатель спорткомитета при райисполкоме, многое сделавший для города. Он строил стадион, обеспечивал работу спортивных секций, возил команды на соревнования.

Получив телеграмму, Миша Грайфер мчится в аэропорт. Погода в Минск не летная. Он берет билет до Риги, затем летит на Минск, берет такси и едет в Глуск. Снежная зима, завалы; когда машина стопорится, Михаил чистит дорогу, толкает машину – и успевает прибыть на похороны.

Он был очень обязательным человеком. С большой любовью и благодарностью относился к людям, которые когда-то пришли ему на помощь. Умел ценить добро и сумел привить эти чувства детям.

Вскоре грянула перестройка – и Советский Союз начал разваливаться на суверенные государства. В кавказских республиках, впрочем, как и во всех остальных бывшего великого многонационального государства, начали выяснять национальные отношения.

Однажды ночью, спасаясь от погрома, в дом к Мише Грайферу прибежала дочь Рахиль с двумя маленькими детьми. И отец, чудом выживший в кровавом пекле войны, потерявший в ней свою многочисленную родню, принимает единственное решение для спасения семьи.

В марте 1992 года они репатриировали в Израиль. Там ему, заслуженному инженеру-строителю, без знания языка пришлось работать и дворником, и рабочим в мастерских. Но трудолюбивая семья быстро освоилась на новом месте. Дочери стали преподавать физику и математику в старших классах школ города Холона. Внук Тимур и две внучки Лена и Эля отлично учатся, прекрасно играют на пианино и скрипке, хорошо рисуют. Старшая внучка несколько лет подряд завоевывает первое место на конкурсе школьников по знанию Танаха.

Михаила Калмановича Грайфера занесли в книгу почета “Израильский символический батальон юных борцов с нацизмом им. Ицхака Рабина”.

В 1997 году в интервью корреспонденту фонда Спилберга Михаил Грайфер сказал: “Для меня самый трагичный день – 2 декабря, день памяти моей семьи, которую уничтожили в Глуске фашисты.

Самое святое в жизни: всегда быть человеком, никому не делать зла и иметь запас, чтобы не страдала от голода семья”.

…В 2004 году Михаил Грайфер приехал отдохнуть в Друскининкай – и сердце вдруг остановилось. Тело его было предано земле, которую он освобождал, будучи юным бойцом Советской Армии.

Борис РОЛАНД

«Мишпоха» №20. 2007 г.

http://www.mishpoha.org/n20/index.html

В ГЛУСКЕ ВСЕ СОСЕДИ

Этому подсвечнику несколько веков. Прапрапрадед Юлия Айзенштата подарил его на свадьбу своему внуку – деду Юлия. Подсвечник хранился в доме много лет, как семейная реликвия. В него ставили свечи и зажигали их, когда наступал Шаббат, который здесь называли Шабес, другие праздники.

…В 1944 году, после освобож-

дения Глуска, подсвечник нашли в сарае разграбленного дома. Из всего, что было до войны в доме у Айзенштатов, нашли именно подсвечник, чтобы свечи, зажженные в нем, несли людям свет добра и памяти. Когда Юлий уезжал в Соединенные Штаты, как самую драгоценную реликвию, он забрал с собой старый подсвечник, введя в недоумение придирчивых таможенников, которые осматривали на границе вещи и никак не могли понять, что же драгоценного в этом куске металла.

В мае 2005 года в Бруклине, в Мемориальном парке Холокоста возле Эммонс-авеню, состоялось открытие Камня памяти евреев, уничтоженных нацистами в гетто местечка Глуск. Юлий Айзенштат, один из немногих спасшихся узников этого гетто, зажег свечи в старинном подсвечнике. Зажег в память о маме, дедушке, бабушке, двухлетнем брате... Двадцать человек его родных были расстреляны 2 декабря 1941 года в карьере на Мыслотянской горе. Сколько всего было расстреляно евреев в тот морозный декабрьский день, никогда определить уже не удастся. По официальным данным – 1014 человек. Но этот список далеко не полный.

Десятилетнему Юлию Айзенштату и его отцу удалось бежать из гетто в “Красный отряд” 123-й партизанской бригады. Там воевало примерно 60 евреев только из одного Глуска. Может быть, не стал бы я акцентировать внимание на национальном составе партизанского отряда, но специально это делаю для тех, кто до сих пор, повторяя сталинские мифы, утверждает, что евреи покорно шли на смерть.

Семен Колтон, он живет в американском городе Бостон, успел уйти из Глуска перед самым приходом фашистов. Немногие сумели выбраться из местечка, находящегося вдали от железной дороги, от наезженных магистралей. Это удалось сделать молодым и сильным, тем, кому не надо было выводить из-под обстрелов и бомбежек маленьких детей, престарелых родителей. В 1943 году Семен Колтон закончил Ташкентское пехотное училище, попал на фронт, при форсировании Днепра был ранен, воевал в Карпатах, освобождал Чехословакию, в бою под Моравской Остравой был тяжело ранен и контужен. Награжден многими орденами и медалями.

У Михаила Эпштейна родители и брат погибли в Глуском гетто. Он мстил за них, сражаясь сначала в рядах партизан, потом в Советской Армии.

Они, да еще Мария Мин-Бушкова, чудом спасшаяся узница Глуского гетто, помнят о событиях шестидесятипятилетней давности.

Люди, пережившие страшные годы, рассказывали о них тем, кто пришел в тот день в Мемориальный парк Холокоста, к памятнику, где на русском и английском языках высечены слова: “В память о тысячах евреев, зверски расстрелянных нацистами в гетто местечка Глуск (Беларусь) в декабре 1941 г.”.

За тысячи километров от того места, где родились эти люди, где сделали первые шаги по земле, где смеялись и плакали, радовались и огорчались, пели песни и пили вино, где в последний раз увидели небо и искрящийся снег, поставлен Камень Памяти.

Вряд ли кто-то из расстрелянных на Мыслотянской горе знал английский язык. Да и на русском многие из них говорили с большим акцентом, путая времена и падежи. И только когда звучал идиш, они чувствовали себя как дома. На этом языке можно было ругаться с соседом и воспитывать детей, объясняться в любви и просить о помощи.

На Камне Памяти, который фактически завершил четырехсотлетнюю историю глуского еврейства, нет даже буквы, написанной на их родном языке. Его не знают дети, а уж внукам он и вовсе ка-

жется экзотикой.

Передо мной фотография, на которой запечатлены ученики и учителя глуской еврейской школы. Она сделана 10 мая 1934 года. Красивые молодые лица улыбаясь смотрят в объектив. Они были уверены в счастливом будущем, которое гарантируют им Советское государство и власть рабочих и крестьян. Они были убеждены, что их родной язык идиш такой же равноправный, как и другие языки их родной Белоруссии. Он государственный, на гербе Белоруссии на идише написано “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”.

По переписи 1897 года в Глуске проживали 5327 человек, из них 3805 – были евреи. В местечке действовала иешива, выпускники которой разносили по миру славу об этом учебном заведении.

Общая численность населения Глуска изменилась с тех пор не намного. Городок затерялся в живописных лесах, и его не заметили те, кто планировал строительство индустриальных гигантов, железнодорожных магистралей. А вот евреев в Глуске осталось всего четыре человека – одна семья Фуксон – Сандомирского.

В Глуск мы приехали вдвоем с Роландом Букенгольцем. Читатели журнала “Мишпоха” его лучше знают, как Бориса Роланда – автора многих книг, повестей, рассказов, очерков. В пока еще не опубликованном романе “Книга судьбы” многие страницы посвящены людям, жившим в Глуске. Из этого местечка его родители, дедушки, бабушки: вся многочисленная семья Букенгольцев и Гофманов – такая фамилия была у мамы, Хаи Менделевны, или Клары Марковны, как ее величали в школе, где она работала.

Роланд недавно вернулся из Соединенных Штатов. Его тетя, Хана Израилевна, живущая за океаном и не успевшая перед отъездом приехать на могилу родных, просила Роланда непременно ее разыскать. Да и кроме того, Роланд, никогда не видевший фотографии отца, надеялся найти ее в Глуске.

Отец, Борис Букенгольц, или все же Берл, как его называли в местечке, был призван в Красную Армию накануне войны. Служил в Брестской крепости и погиб в первые дни Великой Отечественной.

Мы приехали из Бобруйска на глуский автовокзал. Это уже после я узнал, что когда-то на этом месте было старое еврейское кладбище. В начале пятидесятых годов мацейвы – надгробные памятники, которые не утащили на строительство оборонительных сооружений фашисты, – снесли, площадку разровняли и построили стадион. Я давно заметил, что на месте кладбищ обычно строят стадионы, детские сады и школы. Лет двадцать по косточкам, зарытым в земле, бегали и прыгали, ставя районные рекорды. А потом здесь решили сделать “ворота города” – автовокзал. Все приезжают сюда, поскольку железнодорожного вокзала в Глуске нет. Это, конечно, черный юмор, но место старого еврейского кладбища стало местом, где поставлены “ворота” в старое еврейское местечко.

Наум Сандомирский – редактор местной газеты “Радзіма”, был нашим провожатым по Глуску и гостеприимным хозяином одновременно.

Он рассказал, что в прошлом году к нему в редакцию пришла женщина, которая живет рядом с автовокзалом. Место это низкое, болотистое, весной стоят огромные лужи. И женщина поведала Науму Борисовичу:

– В луже, рядом с моим домом, череп плавает. Страшно.

– Грех совершили, – ответил Сандомирский не как редактор райисполкомовской газеты, а скорее, как священник своей прихожанке. – Сейчас расплачиваться приходится.

Я вспомнил один из рассказов Мариам Юзефовской, прекрасного писателя, жившей и в Одессе, и в Минске, а сейчас перебравшейся за океан.

В маленьком польском городке остался один-единственный еврей. Каждый день он приходил на автобусную станцию, садился на скамейку и подолгу сидел. Никого не встречал и никого не провожал, просто сидел и что-то шептал себе под нос. Его считали ненормальным. Говорили, что от старости и одиночества он сошел с ума. И никто не знал, что до войны на этом месте было еврейское кладбище. И рядом со скамейкой, на которой он обычно сидел, находилась могила его родителей, здесь же похоронили его жену и детей, убитых фашистами. После

Глуск. Автовокзал. Фото И. Кирина.

войны кладбище снесли и на его месте построили автобусную станцию.

Впрочем, кладбищенское варварство не имеет национальной окраски. Оно, скорее, идет от советского безверия. На месте старой глуской церкви построили, например, ресторан. И там, где были похоронены священники, служившие в этой церкви, сейчас стоят столики. Люди выпивают, закусывают, танцуют и даже целуются. Посетителей ресторана обвинять не в чем. Многие из них, а в ресторан ходят в основном люди помоложе, понятия не имеют, что было на этом месте когда-то.

Мы ехали на машине по Глуску, чистому и аккуратному городку, и Наум Сандомирский рассказывал:

– Вот эта Слобода была до времени большого разъезда еврейской. Считайте, через дом жили еврейские семьи.

Потом мы подъехали к большому дому на перекрестке улиц, с красивым колодцем у ворот, и Роланд сказал:

– Вот здесь стояла кузня Израиля Букенгольца – моего деда. И рядом был их дом. У деда было пять сыновей и дочь. Он все хотел дочь, а получались сыновья. Потом, наконец-то, появилась Хана. Она была младшая в семье.

– Неподалеку жила семья известного белорусского писателя Сергея Граховского, – добавил Наум Сандомирский и показал на соседний участок.

Потом выяснилось, что Граховские были соседями с Гофманами, дедом Роланда Букенгольца по материнской линии. Впрочем, в небольшом местечке все были соседями.

Сейчас в Глуске есть улица, названная в честь известного земляка, установлена мемориальная Доска с барельефом Сергея Граховского. Сделано это, в том числе, и благодаря усилиям Наума Сандомирского. Сергей Граховский, автор книги "Местечко", очень благожелательно относился к творчеству своего земляка, у которого, кстати, одна из книг называется "Местечко-2". Он, тем самым, подчеркивает, что продолжает тему Сергея Граховского. В свое время известный белорусский писатель подсказал Науму Сандомирскому, что стал выходить журнал "Мишпоха" и на его страницах найдется место для его рассказов и очерков.

"Главной «достопримечательностью» была необычайная атмосфера доброты, сочувствия, уважения к каждому человеку, к старому и малому, к доктору и хлеборобу. У нас все знали друг друга, доверяли не только соседу, а и человеку с другого конца местечка, жили в дружбе белорусы и евреи, католики и староверы. Мы были людьми, а это – главное", – написал Сергей Граховский в книге "Местечко", наверняка, вспоминая взаимоотношения своих родителей с родителями Букенгольца, Сандомирского…

У Наума Сандомирского есть книга "Я иду по кладбищу", отрывки из которой мы печатали в журнале "Мишпоха". Насколько я знаю, в ближайшее время эта книга, правда, возможно, под другим, более коммерческим названием, выйдет отдельным изданием.

Автор идет по кладбищу и рассказывает о людях, которые похоронены там. Грустная тема, но грустно писать Сандомирский не умеет. Не случайно кто-то из журналистов назвал его "белорусским Бабелем". В этой книге – вся послевоенная еврейская история городка. С простаками и хитрецами, умниками и глупцами...

Мы поехали на действующее, или, вернее, уцелевшее еврейское кладбище. Наум хотел показать Роланду могилы его родственников.

Когда машина остановилась у ворот, Наум сказал:

– У нас с женой почетная должность. Мы хранители еврейского кладбища. Убираем несколько раз в году, смотрим за порядком.

Кладбище огорожено аккуратным забором. Ровные ряды ухоженных могил. Красивые памятники. Здесь сохранили старинный обычай. Отдельно идет ряд мужских могил, отдельно – женских. На кладбище, как и в синагоге, мужчины и женщины – порознь. Все памятники обращены лицом к востоку, к Иерусалиму.

На старом участке – памятники начала XX века. Часть из них повалена, лежит на земле. Время стерло память и о тех, кто здесь нашел вечный покой, и о тех каменотесах, кто делал эти памятники. Теперь только можно предполагать, что в Глуске или где-то рядом жил искусный мастер, который делал традиционные мацейвы для тех, кто был последним представителем семьи. Это каменные деревья, у которых обрублены все ветки, то есть жизнь дерева закончилась…

От Глуска до Козловичей километров двадцать. Ехать надо по грунтовой проселочной дороге. Даже на хорошей машине не разгонишься. У нас было время поговорить.

Роланд рассказывал про своего дядю Илью Букенгольца, младшего брата отца. До войны он успел окончить один курс института, кажется политехнического, потом его забрали в армию. Был бойцом Брестской комендатуры. В первые же дни войны красноармейцы, служившие недалеко от границы, попали в страшную "мясорубку". Большинство погибло, кто-то попал в окружение. Илья, не надеясь на чью-то помощь, стал выбираться на восток. Обогнать немецкие части и перейти линию фронта было тяжело. Танки с крестами шли быстрее, чем окруженцы, плутавшие по лесам и болотам, боявшиеся на своей земле попасться кому-то на глаза. Наконец, Илья добрался до Глуска. В местечке уже командовали фашисты. Он пришел в родительский дом, но всем было понятно, что оставаться там нельзя. И мама отправила Илью к своей младшей сестре Гисе. Она думала, она хо-

тела верить, что в маленьких Козловичах фашисты не тронут сына.

Гися была замужем за местным почтальоном Кацером. Соседи тут же заметили, что у Кацеров в доме появился чужой, и сдали его новым властям. Не знаю, то ли за два килограмма соли, за рейхсмарки или просто по злобе. Прятался Илья в подвале, его нашли, вывели в поле и расстреляли. А вместе с ним расстреляли и всю семью Кацеров: маму, отца и двоих детей.

Могилу Букенгольца и Кацеров мы и искали в районе Козловичей. Первая же женщина, которую встретили на деревенской улице, сказала нам:

– Я знаю, где эта могила. Была совсем маленькой, но помню, как их расстреливали.

Она села в машину, и мы поехали по дороге, идущей вдоль леса.

Надежда Илларионовна Манкевич, по мужу ее фамилия Шах, родилась в Козловичах в середине тридцатых годов. Ей пришлось испытать в жизни немало трудностей. Мама умерла, когда девочка была маленькой. На войне погибли отец и старший брат. Пришлось в жизни всего добиваться самой. Поехала в Бобруйск, работала. Она и сейчас там живет, но много времени проводит в Козловичах.

Минут десять мы плутали по лесу в поисках могилы и, наконец, увидели ограду, а за ней памятник. Стандартный, из мраморной крошки. На белой мраморной плите выбит текст "Семья Кацер и Букенгольц. Зверски замучены фашистами в сентябре 1941 г.".

И здесь же гвоздем выцарапано слово: "Жиды". Потомки тех, кто выдал и расстрелял этих людей, отметились на лесном памятнике.

Из семьи Кацеров в живых остался только старший сын Михаил. Еще до войны семнадцатилетним пареньком ему удалось както ввести в заблуждение военкомат, призывную комиссию и оказаться в армии. Он очень хотел служить. Попал в окружение и концлагерь для военнопленных. Скрыл, что еврей. Его никто не выдал. Работал на каменоломнях в Бельгии. А в 1944 году, когда союзники освободили и он вернулся домой, получил два года советских лагерей. По тем временам легко отделался. Хотя не только никогда ничего противозаконного не совершал, никого не предавал, но еще и пострадал за преступную неготовность своей страны к войне. Потом работал в Пинске на мебельной фабрике. Сейчас живет в Израиле.

После вкусного обеда в гостеприимном доме у Наума Сандомирского мы пошли к его маме Дине Мордуховне Фуксон. Ее девичья фамилия была Эпштейн, и под такой фамилией ее знали родители Букенгольца. Она хранитель еврейской памяти этого местечка. Ей за восемьдесят. Недавно похоронила мужа, доброго и талантливого человека. О каждом из этих людей нужно писать очерки. Они заслуживают этого. Их судьба – это судьба всего поколения людей, родившихся в двадцатых годах, столкнувшихся с войной, страхом во времена сталинского режима и непонятными переменами, которые пришли в конце жизни.

Дина Мордуховна говорила с нами по-русски. Но время от времени переходила на идиш, скорее всего, даже не замечая этого. Я с удовольствием слушал, как красиво она говорит на родном языке.

Она расспрашивала у Роланда обо всех его родственниках, которых хорошо знала по довоенной глуской жизни, показывала снимки из семейного альбома. Роланд так и не нашел фотографии своего отца. Потом рассказывала, как сложилась ее жизнь. Никто не позволял мне пересказывать эту беседу. Но все же два коротких эпизода приведу.

В годы войны, когда бои шли недалеко от города, один из местных жителей увидел, как его сосед-еврей ведет домой козу. Коза была для старого еврея и его семьи спасительницей. Ее молоком поили маленьких внуков. Старик целый день пас козу на лужайке. Сосед, более молодой и здоровый, подошел к нему, вырвал из рук веревку и сказал: "Тебе коза ни к чему, тебя все равно убьют. А мне она пригодится". Старик упрашивал вернуть козу, но сосед даже не обернулся. В это время одна из частей прорывалась через Глуск. На город упало несколько снарядов. Один из них угодил в соседа, который отобрал козу, и в несчастное животное...

А вот другая история. Первые послевоенные годы... В Советском Союзе еще не отменена карточная система. Родственники Эпштейнов, которые с дореволюционного времени жили в Соединенных Штатах, решили им помочь. Американцы собрали посылку, положили туда отрез ткани, несколько пар обуви, всякую мелочь и отправили в Глуск. Мама Дины Мордуховны получила посылку. Обрадовалась ей. А через некоторое время ее мужа, который был начальником производства в маленькой артели, перевели в ночные сторожа. За низкопоклонство перед Западом. А мужа дочери уволили из милиции. За потерю бдительности…

Вот так американцы помогли своим родственникам.

Аркадий Шульман
МЕСТО ЕГО УЖЕ НЕ УЗНАЕТ ЕГО...
http://www.mishpoha.org

Восенню 1941 г. па ўсёй Беларусі была праведзена акцыя па знішчэнні жыхароў яўрэйскай нацыянальнасці. У Глуску гэты чорны дзень настаў 2 снежня. Было аб'яўлена, каб усе яўрэі сабраліся у гарадскім парку для рэгістрацыі. Потым парк ачапілі з усіх бакоў аўтаматчыкі, адных пагрузілі у машыны, іншых пагналі пешшу у бок Мыслоцінскай гары. Тут фашысцкія ахвяры ўбачылі пад-

рыхтаваныя ваеннапалоннымі велізарныя траншэі і ўсё зразумелі. Ваеннапалонных тут жа расстралялі. Падышла чарга да яўрэяў. Крыкі, плач, галашэнне — усе заглушалі незмаўкальныя чэргі аўтаматаў. У наступныя дні была сабрана новая партыя яўрэяў і расстраляна у Глуску на тэрыторыі арцелі «Спатры». Знішчалі яўрэяў некалькі дзён. Усяго за час фашысцкай акупацыі раёна загінула 1187 яўрэяў. Восенню 1943 г. і у пачатку 1944 г. гітлераўцы паспрабавалі замесці сляды жорсткіх злачынстваў, спальваючы астанкі сваіх ахвяр і маскіруючы месцы пахаванняў.

"Памяць. Глускі раён". Мінск, Белта, 1999, с. 266-267.

АКТ АБ ЗЛАЧЫНСТВАХ НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАЎ У ГЛУСКУ І ГЛУСКІМ РАЁНЕ

21 сакавіка 1945 г.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в составе председателя комиссии Кучерина Семена Кузьмича, членов комиссии: Ольшевского Михаила, Шумовского Станислава Францевича, произвела расследование фактов истребления советских граждан немецко-фашистскими захватчиками г.п. Глуска и района в период временной оккупации.

Материалами следствия комиссия установила: немецко-фашистские захватчики, ворвавшись 27 июня 1941 года в гор. пос. Глуск, подобрав себе из местных предателей сообщников, с первого дня оккупации, занялись поголовным истреблением советских граждан разного пола, возраста и национальности.

Истребление производилось систематически на протяжении всего времени оккупации данной территории, т.е. с 27 июня 1941 по 27 июня 1944 года.

Методы истребления применялись разные: расстрел, повешение, сожжение и закапывание живьем людей. Наравне со взрослыми зверскому истреблению подвергались и дети разного возраста.

Для сокрытия следов своих злодеяний немецко-фашистские захватчики осенью 1943 года и в начале 1944 года на Мыслотинской горке производили сожжение извлеченных из могил трупов уничтоженных ими советских граждан.

Приведенные данные о зверствах и истреблении немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками советских граждан подтверждаются показаниями свидетелей.

Очевидцы варварских действий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по истреблению советских граждан показывают:

Свидетели: Буневич Степан Архипович, Пинчук Матрена Кузьминична

Во время немецкой оккупации мы постоянно проживали в дер. Хвастовичи Хвастовичского сельсовета Глусского района и были очевидцами массового расстрела мирных граждан м. Глуска Глусского района на Мыслотинской горке, которая находилась от нашей деревни на расстоянии 500 метров.

Мыслотинскую горку немцы превратили в место массового расстрела мирных советских граждан. Расстрел в этом месте производился почти ежедневно, на протяжении 1941, 1942, 1943 гг. Количество расстрелянных и захороненных на Мыслотинской горке советских граждан по нашему мнению будет около 2000 человек.

Свидетели: Фастовец Анна Франковна, Сытянко Прасковья Казимировна

Во время немецкой оккупации мы проживали в гор. пос. Глуск, вблизи кладбища, а потому были очевидцами массового расстрела советских граждан на этом кладбище. Немцы приводили на расстрел группами советских граждан, у которых были связаны руки, а также были случаи, когда немцы подвозили к этому месту в закрытых машинах и даже на подводах. Ямы-могилы смертники копали сами себе.

По нашему мнению, в этом месте немцами было расстреляно и захоронено советских граждан около 1000 человек.

Комиссия считает, что в гор. пос. Глуск и Глусском районе немецко-фашистскими властями и командованием германской армии только в обследованных местах истреблено советских граждан до 3000 человек.

Немецкими властями в г.п. Глуск, путем облавы на Глуск и район, насильственным путем вывезено в немецкое рабство 1482 чел. советских граждан.

Председатель комиссии: Кучерин

Члены комиссии: Куликовский

Болотин

Ольшевский

Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 845. Воп. 1. Спр. 60. Л. 25.

Приводится по тексту: "Памяць. Глускі раён". Мінск, Белта, 1999, с. 275-276.

РАШЭННЕ ВЫКАНКОМА ГЛУСКАГА ПАСЯЛКОВАГА САВЕТА ДЭПУТАТАЎ ПРАЦОЎНЫХ № 36 АД 2 ЧЭРВЕНЯ 1969 ГОДА

Рассмотрев материалы Чрезвычайной комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г.п. Глуск Могилевской обл. в 1941 —1944 гг.,

Исполком поселкового Совета депутатов трудящихся

Установил:

1. Количество жителей в г.п. Глусск по состоянию на 1.01.1941 года насчитывалось 3610 человек.

2. Количество жителей, уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками в г.п. Глусск за период 1941 — 1944 годы составило 1175 человек.

3. Количество жителей г.п. Глусск, вывезенных немецко-фашистскими захватчиками на каторжные работы в Германию, составило 16 человек.

4. Количество жителей г.п. Глусск, погибших на фронтах Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, составило 270 человек.

5. Количество жителей г.п. Глусск, погибших в партизанах и подполье, составило 56 человек.

6. Количество населения г.п. Глусск по состоянию на 1.01 1969 года — 5290 человек.

7. Количество сожженных и уничтоженных:

а) индивидуальных домов — 216

б) государственных зданий — 37

Председатель исполкома Глусского поселкового Совета А.Дубинский

И.о. секретаря исполкома Глусского поселкового Совета О.Белоусова

Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4683. Воп. 3 Спр. 765. Л. 97.

Приводится по тексту: “Памяць. Глускі раён”. Мінск, Белта, 1999, с. 276-277.

Список Праведников Народов Мира в Республике Беларусь
на 1 января 2004 г.
(извлечение)

№	Ф.И.	Спасенные	Место спасения	Год присвоения звания
14	Архипцева Любовь	Шульман Ольга	Глуск, Могилевская обл.	1998
15	Архипцева Надежда	Шульман Ольга	Глуск, Могилевская обл.	1998
21	Белицкая-Слабко Ольга	Шульман Ольга	Глуск, Могилевская обл.	1998
219	Красневская Анна	Хархурин Михаил	Глуский р-н, Могилевская обл.	2001
220	Красневский Анисим	Хархурин Михаил	Глуский р-н, Могилевская обл.	2001

http://rpp.nm.ru/index.dhtmlhttp://rpp.nm.ru/index.dhtml

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Если вас необоснованно уволили с работы, задержали выплату зарплаты, отказали в рассмотрении обращения, если нарушили ваше право, установленное Конституцией и законами – обращайтесь в общественную приемную Белорусского Хельсинкского Комитета.

Контактный телефон: 41522 (Игорь Кирин)

Желающих регулярно получать «Глускую панораму» просим сообщить об этом в редакцию газеты.

№ 23-25 (25-27)
Декабрь 2007 г.
Глуская
ПАНОРАМА

Общественно-политическая газета.
Выходит с июля 1998 г. Редактор - Игорь Кирин.
Адрес для писем: 213879, г.п. Глуск, ул. Кирова, 43-18.
Тираж - 200 экз. Тел. 41522. E-mail: glu-cl@mail.ru
http://hot.ee/glusk